

Б. Б. Овчинникова*

КРАСНОПОЛЯНСКИЕ СОКРОВИЩА ГОРОДА СОЧИ

В ФОНДАХ Государственного художественного музея г. Сочи с 1997 г. хранится комплекс древних артефактов, получивший название «Мзымтинский клад»¹. Вещи, добытые при грабительских раскопках, были доставлены в сокровищницу музея из местности Красная Поляна в результате оперативных действий Сочинской ФСБ. Обнаружены они были в горах за «Казачьим бродом» на левобережье реки Мзымта напротив современного с. Голицына. После того как древности были переданы музею, их местонахождение было осмотрено санкт-петербургским археологом В. А. Семеновым. В результате обследования им был составлен краткий отчет, в котором отмечены немаловажные факты: вещи были извлечены из разных мест, но вблизи друг друга, с одной площадки, которая располагается на плоской части вершины горы; на месте находок выявлены остатки каменной платформы, выложенной из глыб местного камня. Промежутки между ними (щели, пустоты и пр.) заполнены связующим раствором; останков человека и следов кремации не обнаружено; место, на котором находились древности, изолировано от основного горного хребта и труднодоступно. Вероятно, оно считалось священным². Позже, в информационной статье Вл. А. Семенова и П. А. Хирсанова более подробно описано место нахождения вещей. Однако характеристика вещевого комплекса изложена весьма кратко³.

По приглашению руководства Сочинского художественного музея автором настоящей статьи были проведены инвентаризация, описание и прорисовка вещей (рис. 1–13)⁴. Это позволяет сегодня осуществить попытку предварительной (до реставрации) интерпретации и датировки некоторых вещей из комплекса с Красной Поляны.

Состав артефактов, вошедших в «клад», весьма разнообразен как по функциональным признакам, так и по временному диапазону. Среди древностей находятся предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, декорированные чаши, фрагменты культовой(?) и иной по принадлежности посуды, а также фрагменты вещей, назначение которых, порой, трудно определить из-за плохой сохранности.

Детали конского снаряжения немногочисленны (рис. 2). Они представлены уздечным набором, состоящим из удила, пары псалий, пряжек, скоб, колец. Все детали выполнены из железа. Удила состоят из двух подвижных звеньев (двусос-

---

* Овчинникова Бронислава Борисовна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Семенов Вл. А., Хирсанов П. А. Археологический комплекс (клад) с реки Мзымта (Краснодарский край) // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы научн. конф. СПб., 2002. С. 80–82.

² Семенов Вл. А. «Отчет о разведке горной местности за рекой Мзымта напротив села Голицына». Рукопись. Фонды и архив Государственного художественного музея г. Сочи. Сентябрь 1997 г.

³ Семенов Вл. А., Хирсанов П. А. Указ. соч. С. 82.

⁴ Прорисовка выполнена студентом УрГАХА Романом Соколовым.

тавные). Стержни звеньев выполнены из гладкого железного прута, которые завершаются кольцом, полученным в результате изгиба стержня, образующего крюк. В одном из таких колец сохранилось дополнительное подвижное кольцо, которое в два раза больше основного по диаметру. Псалии парные – вертикально-стержневые с двумя петлями. Пряжка рамчатая прямоугольной формы (3,5 × 4,5 см) с подвижным язычком, вращающимся на основании самой рамки. Кольцо диаметром 8 см, не сомкнуто, вероятно, являлось частью овально-рамчатой пряжки, подвижной язычок которой утрачен. Скоба размером 10 × 12 см изогнута и имеет заостренные завершения. Данный набор конского снаряжения сложно датировать, так как все вещи имеют весьма широкие хронологические рамки и были распространены практически по всей территории степей Евразии. Однако, парные псалии, имеющие по две петли на стержне, позволяют высказать предположение о существовании их в скифо-сарматскую эпоху. Идентичные по оформлению псалии известны в Восточном Закавказье в V–IV вв. до н. э. в районе Иберии⁵. В Южном Приуралье они встречаются несколько раньше: (Сынтас 1) – VI–V вв. до н. э.⁶. И все же хотелось подчеркнуть, что в соседних районах Абхазии и Грузии аналогичные наборы конской упряжи встречаются в погребениях и «кладах», датированных III–I вв. до н. э.⁷.

Набор вооружения включает немногочисленный: железные наконечники копий, дротика, мечи (рис. 1) и бронзовый шлем (рис. 3). По форме наконечники копий (2 экз.) идентичны. Их длина составляет 34–34,5 см, ширина у основания пера – около 5 см, диаметр втулки от 1,5 до 2 см. Перо ромбовидное со срединным ребром, ромбическое в сечении. Втулка коническая, разъемная, расширяющаяся к основанию. Аналогичные по форме наконечники копий распространены довольно широко и встречаются в основном в сарматское время в Восточном Закавказье, а также в Абхазии (Чебельда)⁸. Однако заметим, что подобные копья уже были известны из раскопок погребений в Красной Поляне и в окрестностях г. Сочи, опубликованных Ю. Н. Вороновым, который отнес краснополянское погребение к IV в. н. э.⁹. Наконечник дротика длиной 16,5 см, шириной у основания – 2 см. представляет собой небольшое треугольное перо с концами под прямым углом с длинной конической втулкой, которая является разъемной и расширяется к основанию. Диаметр втулки – 2 см. Подобные по форме дротики встречены на памятниках Прикубанья, Абхазии и Сочи начиная со скифо-сарматской эпохи до раннего средневековья¹⁰.

Железные мечи из «клада» (2 экз.) отличаются друг от друга по длине. Один из них сохранился на общую длину 94 см. Ширина у основания клинка составляет 6 см. Лезвие вытянутое, перо клинка плоское со слабо намеченным центральным ребром, в сечении ромбовидное. Поверхность гладкая. Особенность – наличие перекрестия, но навершие, к сожалению, не сохранилось. Переход от рукояти

⁵ Лордкипанидзе О. Д. Племена Иберии // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. Ч. 1. Гл. 3. Табл. XV, рис. 31, 32.

⁶ Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. Табл. 67, рис. 35.

⁷ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979; Симоненко А. В. «Клады» снаряжения всадника II–I вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 89.

⁸ Халилов Д. А. Кавказская Албания // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. Ч. 1. Гл. 6. Табл. LI, рис. 26, 27.

⁹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 78, рис. 40–5–7.

¹⁰ Там же.

к основанию клинка находится под прямым углом. Внизу клинок резко сужается и переходит в форму «сверла» (проколки), таким образом приобретая функции не только рубящего, но и колющего оружия. Второй меч представлен экземпляром с кольцом на рукояти, которая обмотана сохранившимися на ней двумя листовыми золотыми пластинами. Общая длина меча – 69,5 см, ширина клинка у основания – 6 см. Аналогичные мечи известны на Боспоре, в Прикубанье как мечи сарматского типа с прямым перекрестием и кольцевидным навершием. Что же касается других территорий, то именно такая форма встречается среди прохоровского оружия, где мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием являлись ведущей формой на Урале и в Поволжье во II в. до н. э. – I в. н. э.¹¹

К защитному снаряжению относится бронзовый аттический типа шлем, снабженный стрелкой, а также подвижными нащечниками и назатыльником. Известно, что именно такими шлемами пользовались в IV–III вв. до н. э. скифы Северного Причерноморья. Об этом свидетельствует находка шлема в урочище Галущено¹², а также шлем из Кекуватского кургана (Пантикапей), который отнесен к началу IV в. до н. э.¹³ Аналогичный по форме «бронзовый посеребренный аттический шлем», найден в погребении возле с. Богушевка в окрестностях г. Сочи. Ю. Н. Воронов считает, что он является «привозным изделием в эпоху греческой колонизации»¹⁴.

Самую большую группу предметов «мзымтинского» комплекса составляет посуда, в которой по функциональному назначению можно выделить две группы: бытовую и культовую. По материалу изготовления – из глины и металла. К сожалению, сохранность обеих групп удовлетворительная. Глиняная посуда представлена лишь фрагментами в небольшом количестве. Вероятно, в музей были переданы экземпляры, взятые только для образца, так как при осмотре площадки местонахождения «клада» отмечалось, что среди мусора на горе встречалось много керамики¹⁵. В числе поступивших в фонды фрагментов керамики находятся обломки ручек от кувшинов, а также венчики, стенки и донца от корчаг. Размеры их различны: корчаги – по венчику в диаметре около 40 см, а их донца не превышают 20 см. В среднем толщина венчика составляет 2,5 см, стенка – от 1 до 1,7 см., донца – 2,8–3 см. Тесто имеет красноватый оттенок и в примеси содержит дресву, песок и шмот. Почти все присутствующие в комплексе фрагменты изготовлены на круге. По форме фрагменты напоминали раннесредневековую посуду с памятников окрестностей г. Сочи, опубликованных Ю. Н. Вороновым¹⁶.

Особый интерес в коллекции посуды представляют три серебряные чаши на съёмных подставках (рис. 6–8). Заметим, что два серебряных поддона (подставки)¹⁷ и две серебряные ручки – с завитками и кольцом на пластине, – снятые с

¹¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. С. 34–35. Табл. XX, рис. 23–28.

¹² Мелюкова А. И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. Гл. 2. С. 95. Табл. 33–22.

¹³ Петерс Б. Г. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. Ч. II. С. 270. Табл. LXXXI–35.

¹⁴ Воронов Ю. Н. Указ. соч. С. 33–2.

¹⁵ Семенов Вл. А., Хрисанов П. А. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ Воронов Ю. В. Указ. соч. С. 98. Рис. 53–9, 10.

¹⁷ При фотографировании серебряных чаш подставки были приставлены независимо от их первоначальной принадлежности к тому или иному корпусу чаши.

сосудов (рис. 5), находились в кладе отдельно от корпусов чаш. О ручках следует заметить, что они, скорее всего, являлись частью канфаров. Аналогии этим ручкам можно найти среди находок из Лоо, Мацесты, в Прикубанье¹⁸. На наш взгляд, если, эти чаши реконструировать с подставками и ручками, то они будут напоминать канфаровидные сосуды с многосюжетными изображениями подобные серебряному сосуду из Боскореале в экспозиции Лувра¹⁹ или кубку из Передней Азии в Государственном Эрмитаже (I в. до н. э. – I в. н. э.)²⁰. Более близкие аналогии, можно встретить в районе г. Сочи в погребении из Мацесты, датированного III в. н. э.²¹. Если же рассматривать их без подставок и ручек, (на наш взгляд, это наиболее верный вариант) то тогда по форме просматривается близость этих чаш к так называемым «мегарским», которые были широко известны по всему Средиземноморью. Аналогии таким чашам можно увидеть в типах «мегарских» чаш из Пантикапея²².

Две чаши из «Мзымтинского клада» имеют удовлетворительное состояние. Третья чаша очень плохой сохранности (рис. 8). Корпус ее настолько сплюснен, что декор на обшивке едва уловим. Возможно, он состоит из изображений виноградных лоз. Общее для всех чаш то, что у каждой из них корпус литой, полусферический, покрыт тонким серебряным листом. Края чаш тонко обработаны и слегка округлены. Характерная особенность в технике исполнения – тонкостенность и двуслойность. Способ крепления обшивки типичный для изделий торевтики – она припаяна к корпусу.

Чаши из «Мзымтинского клада» отличаются орнаментом. Так, одна из них (рис. 6) декорирована растительными и зооморфными мотивами. Среди листьев и цветов изображены насекомые, птицы и пресмыкающиеся. Размер этой чаши составляют 10 × 12,5 × 20 см. На дне изображена розетка из восьми листьев с загнутыми наружу концами. Листья тонко профилированы резцом. Декор обшивки выполнен в технике низкого рельефа в сочетании с чеканкой и гравировкой. Сюжет не прослеживается. Но если развернуть рисунок в линейный ряд, то можно увидеть ритмичный декор-орнамент, построенный на сочетании повторяющихся (через один) четырех листьев аканфа (?) и четырех листьев ландыша (?) с «S»-образно изогнутыми стеблями, увенчанными цветами и бутонами. Между ними присутствуют две бабочки, три ящерицы, кузнечик, пять птиц (три из них – летящие; рис. 6). Изображение выполнено с большим искусством и знанием природы, что подтверждается и тонкостью моделирования: перьев у птиц, узоров крыльев у бабочек, задних лапок у кузнечика, фактуры кожи у ящериц. Столь же тщательно проработаны листья, цветы и бутоны. Формы растительных побегов и цветов выполнены в стилистике западной орнаментики и имеют аналогии в известных античных (эллинистических) памятниках, в частности, орнаменты мозаичного пола виллы Адриана в Тиволи (первая половина II в. н. э.)²³. Подобные

¹⁸ Голубев П. М., Иванова М. И. Погребение из Лоо // СА. № 3. 1961; Шамба Г. К. Погребение II в. из Мацесты // СА. № 2. 1970. С. 234.; Смирнов К. Ф. Северский курган // Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XI, 1953. С. 19, рис. 10.

¹⁹ Колпинский Ю. Д., Бритова Н. Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. // Памятники мирового искусства. М., 1982.

²⁰ Искусство Древней Греции и Рима. Л., 1975.

²¹ Воронов Ю. Н. Указ. соч. С. 76, рис. 38-12, 13.

²² Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М., 1984. С. 354–355. Табл. CLXIII, CLXIV.

²³ Колпинский Ю. Д., Бритова Н. Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. Серия: Памятники мирового искусства. М., 1982.

детали прорабатывались специальным резцом по отштампованному в матрице основному рельефу. В манере декора чаши нельзя не отметить продуманность в стилистике. Изящество, чистота линий силуэтов восхищают. Подобная тематика и гармоничное восприятие природы встречается, как мы уже отметили выше, в изделиях западной торевтики эллинистического времени, эпохи расцвета античной традиции. Мастера торевтики и керамики предавались тщательному изучению и изображению окружающего мира. Например, кувшин «Цапли» (первая четверть I в. н. э.) и стеклянная Александрийская чаша (I в. н. э.) из собрания Государственного Эрмитажа²⁴. Несмотря на близость к особенностям стилистики изделий греко-римской художественной традиции, сосуд из «Мзымтинского клада» можно признать изделием в равной степени как из провинции, так и из крупного центра, поскольку региональные стили серебра определить затруднительно. А общая тенденция, к которой тяготеют сосуды, могут быть определены в рамках I–II вв. н. э. Такое изделие могло принадлежать представителю местной знати. Степень сохранности не позволяет определить его функциональное назначение, так как сосуд сплюснен, при этом часть обшивки в месте сгибов разорвана. И все же место и обстоятельства находки дают основание предположить, что сосуд, скорее всего, имел культовое значение.

Вторая чаша украшена рельефным изображением женских фигур, амуров, животных среди растительного декора (рис. 7). Ее размер – 10,5 × 14 × 16,7 см. На дне располагается розетка из листьев сложной формы – аканфа(?). Хотелось бы заметить плохую сохранность данной чаши – она сильно сплюснена, часть обшивки сместилась, есть разрывы. И все же сюжетная линия декора просматривается. В разомкнутом виде линейный ряд представляет композиционное решение в виде ритмичного чередования трех женских фигур (полностью сохранилась лишь одна) и амуров с животными. Женщина изображена в греческой одежде, которая напоминает надетый на хитон гиматий, наброшенный на голову. При этом под накидкой четко прорисована прическа и выступающие из под неё волосы, охваченные лентой(?). Фигура аналогична изображению женщины, закутанной в гиматий из Ольвии (III в. до н. э.) или рисунку на надгробии из Пантикапея – конец II в до н. э.²⁵ Слева и справа от женщины, спиной к ней расположены фигуры двух амуров. Каждая из них обрамлена сплетающимися причудливыми вьющимися стеблями растений, которые вырастают на пьедесталах из листьев. По правую руку от женщины амур держит за задние лапы зайца (кролика?); слева, другой амур тащит сопротивляющегося барашка (?). Две другие фигуры женщин описать сложно из-за множества утрат и окислов. Обе они утрачены по пояс. Головы у обеих фигур отсутствуют, вероятно, сколоты. Не исключено, что находившиеся в комплексе вещей две женские головки (рис. 7) могли принадлежать фигурам именно с этого сосуда. Правда, они не похожи друг на друга: на одной присутствует накидка на голове без прически, на второй накидки нет. Прическа хорошо спрофилирована – волосы разделены на прямой пробор, окаймлены валиком из волос, напоминающих косу, и стянуты сзади в узел (рис. 7). Сохранилось изображение амура, разделяющего эти две женские фигуры. Он держит лису (горноста?), выкальзывающую из его рук. Аналогию по изображению рельефных амуров и стилю выполнения составляет «сосуд с крышкой»²⁶ из Восточ-

²⁴ Искусство Древней Греции и Рима. Л., 1975.

²⁵ Цветаева Г. А. Одежда и украшение // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 236. Табл. СLIII, рис. 7, 8.

²⁶ Античное художественное серебро. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Л., 1985. С. 41. Кат. 54.

ного Средиземноморья (I–II вв. н. э.), находящийся в фондах Государственного Эрмитажа.

Изображения на этом сосуде, также как и на первом, выполнены с большим искусством. Растительный декор, заполняющий и организующий фон, фигуры амуров с животными, выполнен в технике высокого рельефа – горельефа, а вот фигуры женщин выше пояса почти выходят из плоскости обшивки, становясь фактически скульптурами. Лица женщин изображены в фас, а амуров – в профиль. Анатомически они проработаны весьма четко. Подобные принципы моделирования встречаются на эллинистических сосудах и датируются обычно рубежом последних веков до нашей эры и первыми веками нашей эры. К сожалению, плохая сохранность не позволяют нам точно определить персонажей и логику их взаимосвязи. Санкт-петербургские ученые считают, что на этом сосуде изображены танцующие менады среди растительного декора²⁷. Однако, при нашем просмотре фигур, по некоторым деталям декора, можно предположить, что полностью сохранившаяся женская фигура напоминает изображение Афродиты – греческой богини, олицетворяющей любовь и красоту. Как богиня малоазийского происхождения, Афродита представлялась богиней плодородия, вечной весны и жизни. Отсюда эпитеты богини: «Афродита в садах», «Афродита в стеблях», «Афродита на лугах» и т.п. В Риме, как известно, Афродита почиталась как Венера, родоначальница всех римлян, и особенно она прославлялась в эпоху principatus Августа. Аналогии вышесказанному можно поискать и в иконографии богини и многочисленных её изображений, в частности, в скульптурном воплощении бронзового зеркала из Лувра. Прежде всего, здесь обращает на себя внимание не сама Афродита (зеркало выполнено в V в. до н. э.), а амур – ее частые спутники и, главное, фигуры животных, расположенные по внешней стороне диска зеркала: зайцы, лисы, петух, которые сюжетно связаны каким-то образом с Афродитой. Вероятно, аналогичное зеркало было найдено и в Херсонском кургане VI в. до н. э.²⁸. В виду иконографического многообразия и недостаточности комментариев, невозможно с уверенностью утверждать, какое именно изображение послужило *прототипом* для исследуемого рельефа. Тем более что типичным явлением в эпоху эллинизма было появление новых синкретичных, сочетающих в себе черты и символику древнегреческих и местных, образов богов и богинь. Возможно, мастер, изготовивший эти рельефы, зная достаточно хорошо античные памятники, смысл и символику, попытался дать свою трактовку сюжету, изменив композицию. Ряд деталей присущих декору описываемой чаши находят широкий круг аналогий в памятниках, выполненных и в другой технике. Например, что касается композиционного заполнения фона, аналогии можно найти в рельефах римских плит I в. до н. э. Так ближе всего по формам растительных побегов и цветов, выполненных в стилистике западной орнаментики, могут служить рельефы и орнаменты известного античного памятника Алтаря Мира в Риме (13–9 гг. до н. э.)²⁹. Подобные детали встречаются и в изделиях торевтики, где они прорабатывались специальным резцом по основному рельефу, отчасти отштампованному в матрице и отчеканенному с внутренней стороны листа. Эти аналогии позволяют наметить общие направления связей и хронологические рамки – рубеж тысячелетий I в. до н. э. – I в. н. э. Что касается описанных выше

²⁷ Семенов Вл. А., Хирсанов П. А. Указ. соч. С. 81.

²⁸ Полидович Ю. Б., Вольная Г. Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. Сб. ст. М., 2005. С. 416, рис. 6.

²⁹ Колтинский Ю. Д., Бритова Н. Н. Указ. соч.

чаш, то заметим, что, несмотря на широкие аналогии в распространении их типа, вероятнее всего, они были изготовлены в западной провинциальной мастерской.

К коллекции посуды «Мзымтинского клада» из Красной Поляны относится также и смятое бронзовое ведро – $18 \times 45 \times 52$ см (рис. 4). Аналогичное «мзымтинскому» ведру могут составить экземпляры из Майкопского кургана³⁰. Как известно, металлическая посуда появляется на Кавказе в эпоху раннего бронзового века³¹. Наиболее изучена она по комплексам из погребальных памятников майкопско-новосвободненской общности в Предкавказье (первая треть IV – начало III тысячелетия до н. э.)³².

К престижным вещам из «Мзымтинского клада» относится группа украшений. Среди них обращает на себя внимание два серебряных диска – фалара (рис. 11, 13). Принято считать, что фалары, это украшения конской сбруи. Они составляют особую группу эллинистических шедевров серебра, изготавливавшихся в Боспорских и Средиземноморских мастерских. Сюжеты рельефных изображений, их композиционное и стилистическое решение обычно восходят к классическим канонам античного искусства. Важно отметить, что с задней стороны фаларов обычно бывают петли, в которые продевались ремни конской упряжи. Скобы крепились серебряными гвоздями, круглые головки которых обычно видны с лицевой стороны. Однако фаларами именовались не только части конской упряжи, но иногда и плоские нагрудные бляхи и медальоны, украшавшие щит или какие-либо другие предметы.

Относительно двух фалар из «Мзымтинского» клада, можно отметить, что с задней стороны у них не обнаружены никакие петли или даже следы их крепления. Оба экземпляра представляют собой медальоны в виде большой круглой пластины, прикрепленной к обручу по окружности пластины восьмью заклепками. Расположенные по окружности маленькие отверстия, свидетельствуют о том, что пластина крепилась к какой-то основе. Оба «мзымтинских» диска тонкие и декорированы рельефными фигурами мифологических персонажей. Техника исполнения – чеканка, гравировка.

На одной из пластин (диаметром 17,5 см) изображена женщина-змея (рис. 13). Композиция выполнена в стиле высокого рельефа (горельефа). В декоре фона использован точечный нитевидный орнамент. Фигура расположена в центре диска и разделяет пространство на две половины по горизонтали двумя закрученными хвостами. В верхней части – поясное изображение обнаженного женского тела, плавно переходящего в хвост. Бедра покрыты повязкой из листьев аканфа, руки подняты вверх и закинута за голову, повернутую вправо, на плечи спадают длинные волосы. В нижней части диска слева от фигуры просматривается спираль хвоста, справа – две спирали, заканчивающиеся рыбьими хвостами. Обоими хвостами (справа и слева) женщина захватывает по одной мужской фигуре, изображенных по пояс, и по одной голове собаки. Вероятнее всего это изображение Сциллы, которое было весьма распространено в искусстве и литературе античности. Появившись в первой половине V в. до н. э. оно оставалось вплоть до раннего средневековья. Наиболее яркий литературный образ Сциллы дан Гомером в «Одиссее», где она представлена страшным чудовищем с двенадцатью лапами, шестью головами на длинных шеях и с тремя рядами зубов на челюстях.

³⁰ Корневский С. Н. Металлическая посуда майкопско-новосвободненской общности // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 83, рис. 1–15, 23.

³¹ Корневский С. Н. Указ. соч. С. 82.

³² Там же.

Правда, в изобразительном искусстве существо подобное описанию Гомера нигде не встречается. Из всего многообразия изображений этого мифического существа, автор настоящего рельефа избрал довольно простой образ Сциллы.

Ближайшими аналогиями к нашему рельефу являются изображения на бронзовых зеркалах из Берлинского музея и Артюховского кургана³³, бронзовой пластины из Афинского Национального музея (Додоны) и изображения Сциллы в глиптике³⁴. В композиции на этих рельефах Сцилла, в образе женщины с мягкими очертаниями обнаженного женского тела, переходящего в длинный хвост, занимает центральное место. Разница между перечисленными памятниками и исследуемым заключается в трактовке отдельных деталей: 1 – на всех рельефах Сцилла крылатая (на диске из Красной Поляны крылья у Сциллы отсутствуют); 2 – везде поднята одна (правая) рука, а в некоторых рельефах в руке копье; 3 – характерно зубчатое обрамление хвостов с выступающими из под них собаками и фигурами людей. В целом эти рельефы при всех схожести и различиях живописнее нашего, так как техника их проработки тоньше и детальнее. Возможно также, что иконографически они восходят к одному широко известному в античности прототипу Сциллы. Античные письменные источники называют имена трех художников, которые в своих произведениях изображали Сциллу. Это Андрокид, Никомах и Фалерион. В виду недостаточности сведений и комментариев об изображениях Сциллы греческими художниками, у нас нет оснований с уверенностью утверждать, какая именно картина послужила прототипом для металлических рельефов и, в частности, для рельефа «мзымтинских» фаларов-медальонов.

Несмотря на большое композиционное сходство, стилистически рельеф на краснополянских дисках отличается от сравниваемых. Плохая сохранность и наличие окислов не дают возможности провести полный стилистический анализ. Однако возникает впечатление более монументальных пропорций тела Сциллы, отсутствия глубокой перспективы пространства, в котором развивается действие. Динамика сюжета достигает апогея в нижней части диска. Сам рельеф выполнен гораздо проще и эта разница видна сразу. Чувствуется сочетание западных (античных) черт в композиции и восточных в стилизации образа. Учитывая выше изложенное, можно предположить, что данный медальон мог быть изготовлен в провинциальной мастерской Боспора или Греции в III–II вв. до н. э. Такую датировку подтверждает стилистическая близость и манера композиционного решения в фаларах из собрания Государственного Эрмитажа³⁵.

На втором диске (диаметром 14 см) изображена многофигурная композиция с всадниками и животными, напоминающая сцену охоты (рис. 11). Данный медальон выполнен в стиле низкого рельефа (барельефа). В центре рисунка находится фигура медведя, слева и справа от него два молодых всадника с занесенными копьями в руках. В верхней части композиции фигура всадника с бородой, также с занесенной правой рукой, преследующего с собакой оленя. В нижней части композиции изображена фигура кабана, окруженного собаками с обеих сторон. В трактовке фигур животных и людей мастер попытался передать их в движении: два коня вздыблены на задние ноги, третий показан в галопе, медведь стоит на задних лапах, олень поднял передние ноги в прыжке, кабан также показан в движении, он обороняется от собак, загнавших и нападающих на него. В верхней части диска собака бежит по следу оленя. Подобное тщательное изображение движений мог выполнить мастер, который прекрасно знал суть происхо-

³³ Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979.

³⁴ Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926.

³⁵ Античное художественное серебро. Каталог выставки. Л., 1985.

дящего, который сам мог быть участником охоты. Тема охоты была весьма распространена в декоративно-прикладном искусстве многих народов и символизировала не только саму охоту, но и предполагала героизацию образов участников. Особенно часто в древности такие сюжеты встречаются в среде скифов, сарматов и киммерийцев. Вообще мотив битвы человека со зверем рассматривается исследователями как весьма древнее по происхождению метафорическое воплощение идеи преодоления смерти. Если обратить внимание на изображения всадников, то по стилю одежду, прическам, можно предположить, что в их образах изображены представители кочевых народов степей Евразии.

К украшениям из «клада» можно отнести серебряную фибулу в виде головы барана с изогнутыми рогами и вытянутыми передними ногами (рис. 9), золотую пластинку с орнаментом (диаметром 3,8 см; рис. 12), а также фрагменты нашивок из золотой фольги (рис. 12). Эти вещи, подобно посуде и фаларам из «клада», можно отнести к скифо-сарматскому времени.

Схожесть форм, орнаментов и технических приемов, которые проявляются в вещах, найденных как в Северном Причерноморье, так и в других, в центрах греческого мира, затрудняют определение региональных стилей серебра³⁶. В ряде вещей просматривается взаимодействие культур племен данного региона с традициями классической античности. Стоит отметить, что большинство памятников, обнаруженных на территории Большого Сочи (погребения из Богушевки, Соболевки, Красной Поляны, Мацесты, Лоо и других³⁷) имеет сходство с произведениями других народов античного мира, прежде всего Кавказа. Близость исторических судеб кавказских народов обусловили популярность не только одних и тех же элементов материальной культуры, но и схожесть образного восприятия действительности. Однако сходство не означает идентичность. Технологические приемы изготовления изделий, при небольших отличиях, в целом, известны во многих регионах – от Северной Италии до Северного Кавказа, Грузии, Абхазии и т.д. Стилистические особенности, в плане композиционного решения, имеют аналогии и в искусстве Востока. Символика же восходит к единому иконографическому образцу, связанному с мифологией или пантеоном местных племен. Хотя встречаются близкие вариации воплощения образов в восточных областях. Так вещи, бытовавшие у многих народов античной ойкумены (в том числе, Кавказа), в частности, у каждого из них получили национально – специфическое воплощение и оформление, обусловленные особенностями национального характера, быта, нравов, этических и эстетических представлений.

³⁶ Античное художественное серебро... С. 10.

³⁷ Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. Екатеринбург, 1979; Воронов Ю. Н. Указ. соч.

Рис. 1.

Рис. 2.

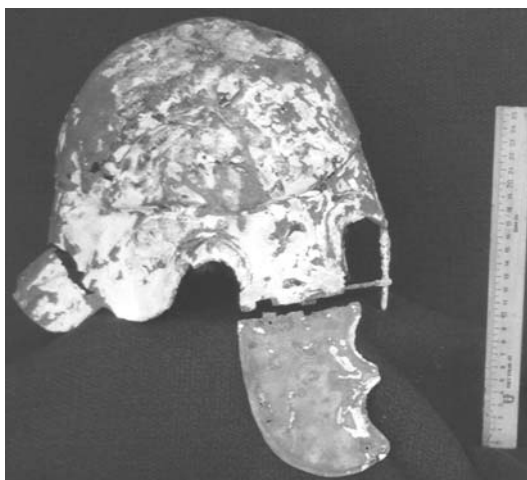

Рис. 3.

Рис. 4.

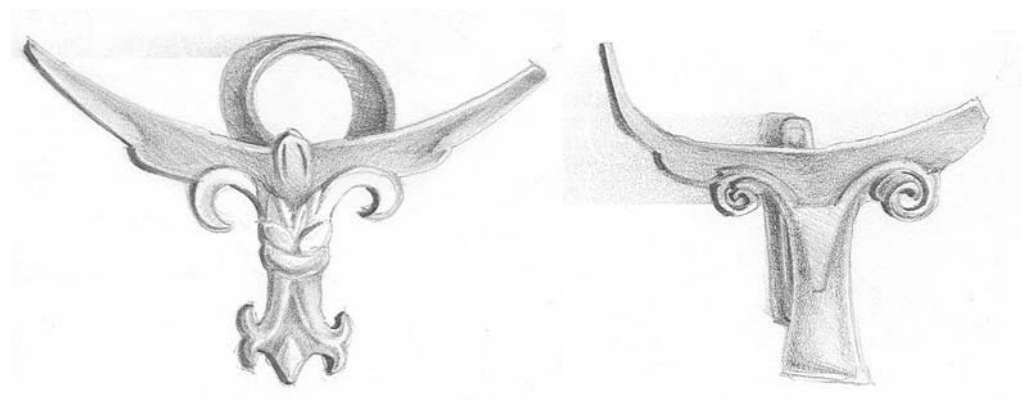

Рис. 5.

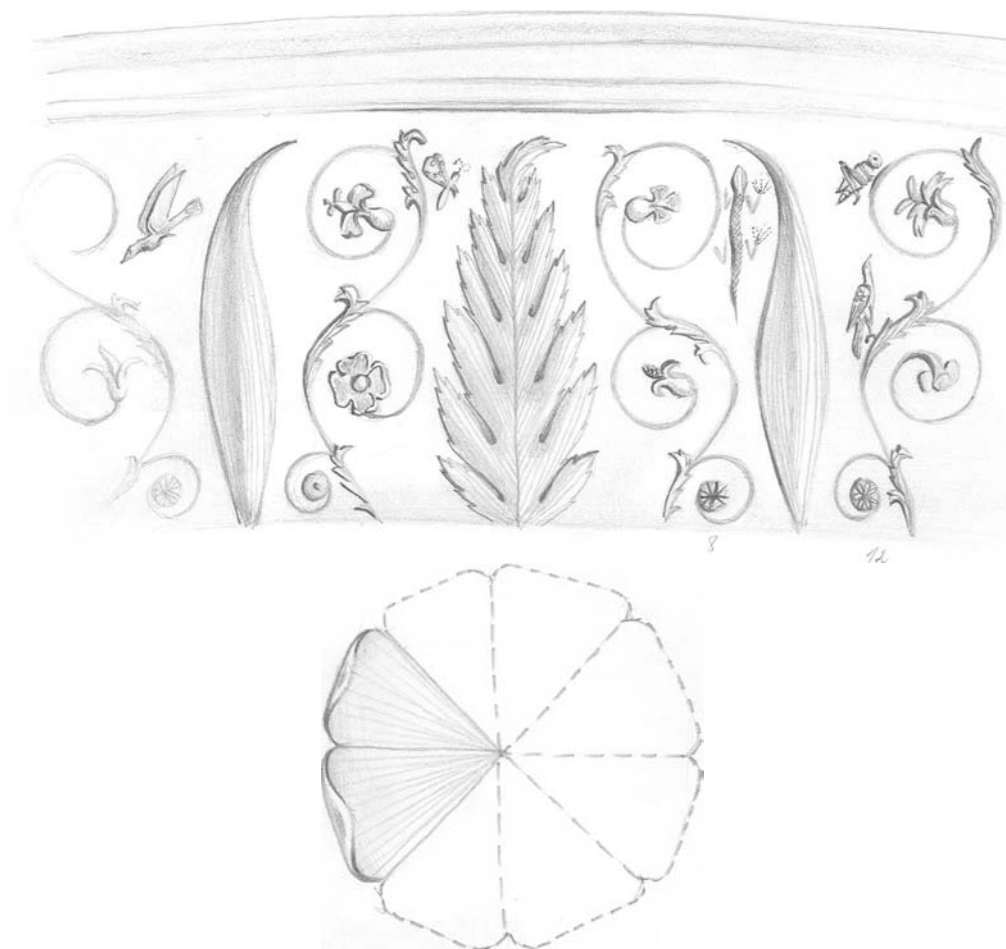

Рис. 6.

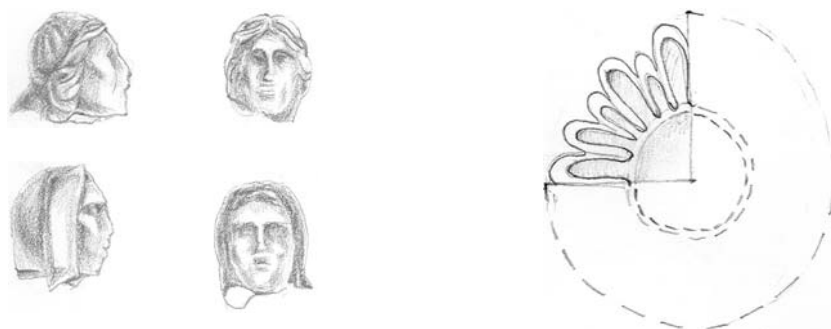

Рис. 7.

Рис. 8.

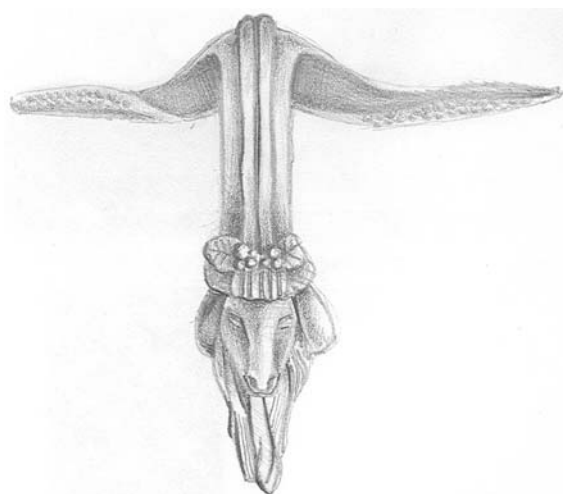
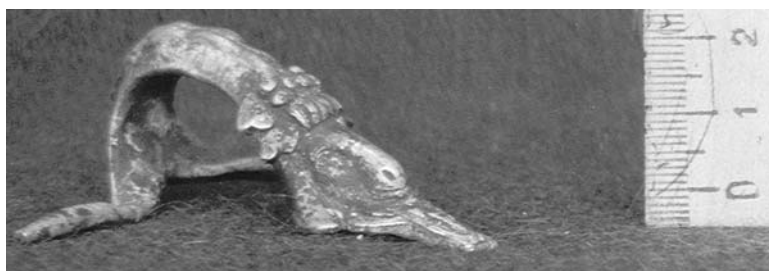

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

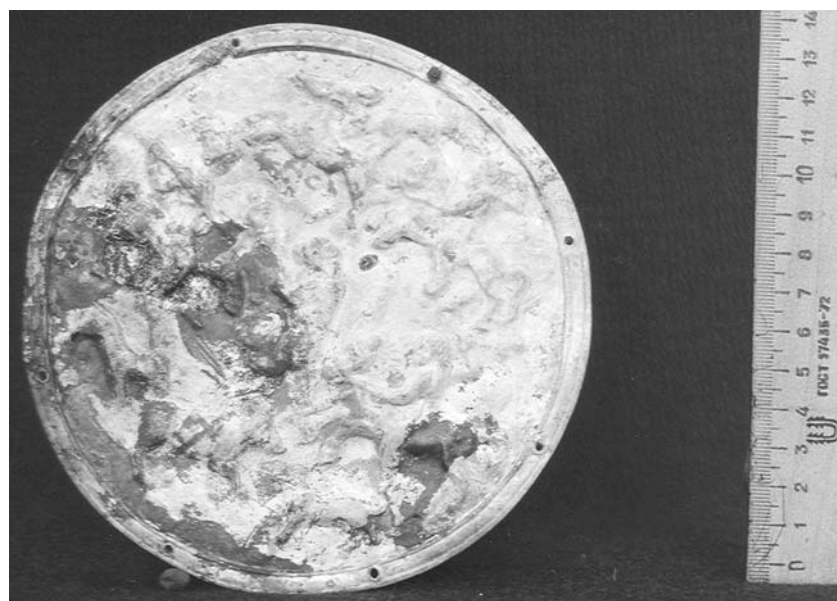

Рис. 13.